

О. А. Димитриева

**РОЛЬ ВАКХИЧЕСКОЙ ДЕТАЛИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО
(НА ПРИМЕРЕ ТРИЛОГИИ «ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»)**

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается участие вакхической детали в организации художественного мира историософского романа Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист». Актуальность исследования связана с выявлением идиостилевых черт автора в репрезентации ситуации винопития, а также с определением роли вакхической детали, с одной стороны, в воспроизведении колорита эпохи, с другой стороны, в связующей своей ипостаси, «скрепляющей» три части романа (Смерть Богов. Юлиан Отступник; Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи; Антихрист. Петр и Алексей). Новизна исследования видится в изучении романа не столько с точки зрения историософии и характерного для литературоведения структурно-семиотического метода, сколько в рамках лингвостилистического метода, позволяющего обнаружить особенности художественной картины мира Д. С. Мережковского, в частности ценностный ракурс бытовой детали. Материалом для исследования являются контексты из трилогии Д. С. Мережковского, в состав которых входит вакхическая лексика. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки при извлечении иллюстраций из романа Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист», в которых содержится вакхическая лексика; лингвостилистический, контекстуальный и описательный методы. Выявляются такие функции, как воспроизведение пространственно-временных координат (отражение описываемой исторической эпохи), описание психологического состояния, символическое прочтение объектов питания.

Ключевые слова: *Д. С. Мережковский, вакхическая лексика, индивидуально-авторская интерпретация, идиостиль, культура питания*

О. А. Dimitrieva

**THE ROLE OF THE “BACCHIC” DETAIL
IN THE LITERARY WORLD OF D. S. MEREZHKOVSKY
(ON THE EXAMPLE OF THE TRILOGY “CHRIST AND ANTICHRIST”)**

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article deals with the functions of the “bacchic” detail in the organization of the literary world of D. S. Merezhkovsky’s historiosophical novel “Christ and Antichrist”. The relevance of the study is due to the identification of the author’s idiosyncratic features in the representation of the situation of wine drinking, and also the determination of the role of the “bacchic” detail which is, on the one hand, in representing the color of the epoch and, on the other hand, in its binding hypostasis that unites the three parts of the novel (Death of Gods. Julian the Apostate; Resurrected Gods, or Leonardo da Vinci; Antichrist. Peter and Alexey). The novelty of the research is in the study of the novel not only from the point of view of historiography and structural-and-semiotic method characteristic of literary studies, but also in the framework of stylistic method, which allows to detect the features of the artistic picture of the world of D. S. Merezhkovsky, the value perspective of everyday details. The material for the study is contexts from the trilogy of D. S. Merezhkovsky, which include bacchic vocabulary. The main research methods are continuous sampling method (when extracting examples from D. S. Merezhkovsky’s novel “Christ

and Antichrist”, which contain bacchic vocabulary), linguistic, contextual, and descriptive methods. The author describes such functions as reproduction in the reconstruction of spatial-and-temporal coordinates (reflection of the described historical epoch), description of psychological state, symbolic interpretation.

Keywords: *D. S. Merezhkovsky, bacchic vocabulary, author's interpretation, idiosyncrasy, drinking culture*

Введение. «История народа, – пишет Л. В. Беловинский, – это история его повседневной жизни, нередко проявляющейся в мелочах» [2, с. 217]. К таким значимым, «говорящим» деталям быта, в которых отражается повседневность, относится ситуация винопития и ее интерпретация в рамках определенного временного периода. В подтверждение данного тезиса сравним два фрагмента: (1) – *Ты что, с утра прикладывался? Васья нахмурился, сдвинул с затылка красный перепачканный солидолом берет, но врать он не умел: – Только наркомовскую. Сотнягу, по-теперешнему* (Ф. Абрамов. Вокруг да около); (2) *Поп-ап начал наконец растворяться – на нем остались только слова «La Veuve Clicot» и прайс-тэг с ценами: «разовое администрирование» и «недельный цикл со скидкой <...> Ну кому хочется, чтобы шампанское «администрировали»? Его должны наливать в бокал. Или хотя бы делать вид, что наливают...* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам). Даже если напрямую не указывать авторов текста, становится ясным их отнесенность ко второй половине XX века и к первой четверти XXI века соответственно. «Инвентарь» вакхических средств меняется, обобщается и детализируется, дополняется «контекстным» духом эпохи или символически абстрагируется: так, в первом примере «наркомовская», являясь мерой объема (100 граммов), свидетельствует о периоде Великой Отечественной войны: наркомом было решено выдавать красноармейцам 100 г в сутки. В то же время второй пример переносит читателя в эпоху технологий и компьютерных ценностей, где главному герою в режиме онлайн предлагается виртуальное шампанское – «гипнопродукт», который администрируют (от английского administer – управлять).

Предметом рассмотрения в данной статье является ситуация винопития в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» [6], [7], [8]. Работа является продолжением изысканий автора, связанных с воссозданием семантической области *винопитие* в мире художественного произведения (см. работы [4], [5]). Вакхическая ситуация является своего рода «сплавом» как минимум трех составляющих: индивидуально-авторского мировоззрения, национального и общекультурного фона. Цель настоящего исследования – сравнение вакхических деталей в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист», а именно выявление особенностей их репрезентации в аспекте культурно-исторического моделирования, а также символической роли бытовых деталей, являющейся в том числе дополнительной универсальной скрепой разновременных и разноплановых сюжетных линий трех романов.

Изучению бытовых деталей в романе Д. С. Мережковского уделяется внимание в работах Е. И. Абрамовой, в частности своеобразию костюма Петра и Алексея в последнем романе трилогии [1]; С. Л. Михеевой, которая отмечает особенности портретных зарисовок на материале второго романа «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи» [9]; некоторые особенности вакхической лексики рассмотрены нами в романе «Петр и Алексей» [5] и «Смерть богов (Юлиан Отступник)» [4].

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена его входением в круг семантических исследований, а также связана с изучением текста в целом (в рамках филологического анализа), определением идиостилевых черт автора в обозначенной семантической области и отношением к «когнитивной поэтике» (по И. А. Тарасовой [13]). «С позиций когнитивной поэтики представление об особенностях идиостиля, – пишет И. А. Тарасова, – создает не только система образно-выразительных средств писателя, но и его индивидуальная концептосфера» [13, с. 51].

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила выборка фрагментов, извлеченная из трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» [6], [7], [8], в состав которых входит вакхическая лексика. В работе использованы описательный метод, метод контекстуального анализа, семантический и лингвостилистический методы.

Рассмотрим, во-первых, участие вакхической детали в воссоздании пространственно-временных координат, как отражение описываемой исторической эпохи; во-вторых, в символической, сакральной роли; в-третьих, некоторые черты психологического состояния субъекта.

Результаты исследования и их обсуждение.

Вино как репрезентант исторического периода. Одним из пространственно-временных маркеров являются наименования объектов питания и сосудов, репрезентирующих ту или иную страну и эпоху, воссоздающие ее колорит. В первых двух частях местом действия являются Италия IV в. и XV–XVI вв. и частично Франция (в романе «Леонардо да Винчи»), в третьем – Россия (время Петра I). Косвенно, дополнительно указывают на время и место действия единицы измерения:

(1) *Для ежегодной раздачи бедным в Галатии назначаем тридцать тысяч мер пшеницы, шестьдесят тысяч ксэстов вина* (Юлиан Отступник) [6, с. 169]; *Тибальдо, хозяин-немец, <...> нацедил из бочки [вина] полбренты и подал французам в запотевшем от холода глиняном кувшине <...>* (Леонардо да Винчи) [7, с. 126]. Слово *ксэст* является древнегреческой мерой объема сыпучих и жидких веществ – 1 ксэст = 2 котилам = 408 г; *полбренты* от брента «(итал.). винная мера в Италии и Швейцарии = от 5,320 до 8,303 ведра» [10];

(2) *Монс дал конюхам денег. Они достали фонарь, штоф сивухи и несколько овечьих тулупов* (Петр и Алексей) [8, с. 170], где штоф – «старая русская мера объема жидкости (обычно вина, водки), равная 1/10 ведра; устар. четырехгранная бутылка для вина (водки) такой вместимости» [11, с. 732]. Для наименований напитков и сосудов также характерна «пространственно-временная» градация: в первых двух частях основным напитком является виноградное вино, представленное, в частности, такими неповторяющимися названиями, как *антосмий, верначчио, винчианское*, разнообразие представлено его составом и дополнительными ингредиентами (<...> *подлил в вино каплю драгоценного арабийского киннамона; густое, теплое вино, смешанное с аттическим медом* (Юлиан Отступник) [6, с. 8–9]; *Кравчие разносили легкое белое вино и красное, кипрское, густое, подогретое, заправленное фисташками, корицею и гвоздикую* (Леонардо да Винчи) [7, с. 86]. Вину соответствует посуда: *кубок, чаша, глиняная амфора, козьи меха*. В части «Петр и Алексей» основным напитком является водка (водка – 33 вхождения, перцовка – 7), и вино часто используется в качестве общего обозначения спиртного. Для сравнения: в первом романе водка совсем не упоминается, во втором – 2 раза в составе растворов для основы под картины и народного средства от болезни. Посуда также национально маркирована (*ушат, чан, таз, чара, чарка*): *На длинных, гнувшихся от тяжести шестах царские гренадеры принесли огромный ушат перцовки. <...> все гости, не только кавалеры, но и дамы, даже девицы, должны были по очереди подходить к ушату, принимать от князя-папы большую деревянную ложку с перцовкою и, выпив почти все, несколько оставшихся капель вылить на жертвенник* (Петр и Алексей) [8, с. 31]. Таким образом, одной из функций вакхической детали является воссоздание колорита эпохи, и одновременно воспроизводится культура винопития, отношение к вину: в третьем романе с помощью наименований больших емкостей показаны масштабность и объем питья, его безмерность.

Вино в символической, сакральной роли. Одним из сквозных образов трилогии является образ Вакха (Диониса, Бахуса). На протяжении трех частей этот образ проявляется как черта внешности героя (<...> *борода Сиракса подобна гроздьям сладкого винограда; глаза черные и необыкновенно сладкие; сладчайшая улыбка не сходила с румяных губ;*

он походил **на карикатуру Диониса, бога вина**: *весь казался черным и сладким* (Юлиан Отступник) [6, с. 8]); как предмет изобразительного искусства – скульптуры и живописи (подробнее см. работы И. А. Сухановой [12], С. Д. Титаренко [14]); как участник вакхического шествия (Юлиан на колеснице, запряженной белыми конями, выполнял роль Вакха в окружении вакханок [6]) или «всеобщей собор», где русским Бахусом становится Ивашка Хмельницкий [8]); как элемент украшения предмета быта, например, кубка или талисмана Кассандры: *<...> в древний кубок из хризолита, с резьбой по краям, изображавшей бога Диониса и вакханок* (Леонардо да Винчи) [7, с. 552].

Параллельно образу Диониса и репрезентации языческих верований возникают христианские образы. Библейское иносказание также содержит отсылки к теме вакхического. Процесс творчества в равной степени соотносится как с христианскими мотивами, так и языческими: (1) *Хор Вакханок, наперекор нечестивому царю, прославляет Вакха – «самого страшного и милосердного из богов, дающего смертным в опьянении радость совершенную»*. На тех же листах, рядом со стихами Еврипида, сделаны были рукой Джованни Бельтраффио выписки из Священного Писания. Из Песни Песней: **«Пейте и опьянимся, возлюбленные»**. Из Евангелия: **«Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в царствии Божием. Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Кровь Моя истинно есть питье. Пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную. Кто жаждет, иди ко Мне и пей»**. Оставив **неоконченным Вакха**, Леонардо начал другую картину, еще более странную – **Иоанна Предтечу** (Леонардо да Винчи) [7, с. 611]; (2) *При свете сального огарка, в ночном колпаке, халате и кожаном переднике, царь сидел за токарным станком и точил из кости паникадило в собор Петра и Павла, за полученное от Марциальных вод облегчение болезни; потом из карельской березы – маленького Вакха с виноградной гроздью – на крышку бокала* (Петр и Алексей) [8, с. 301]. Леонардо да Винчи параллельно работает над картиной Вакха и задумывает Иоанна Предтечу так же, как и Петр сначала точит из кости паникадило, а затем – из карельской березы Вакха. В библейских строках кровь уподобляется вину так же, как и истина (истинное учение). Здесь мы опустим сложный философско-религиозный слой в толковании Библии, отметим лишь экспликацию в данных фрагментах взаимосвязи творческого с христианским и языческим, амбивалентную сущность творческого.

Именное словосочетание «вино + эмоции / чувства», например, *вино страсти, вино любви* и т. п., с одной стороны, называют испытываемые субъектом чувства, с другой – маркируют переполненность и определяют последующий предикат *пить, пьянить* и т. п. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Это было кровавое избиение народов; виноград брошен в великое точило гнева Божия, и ягоды истоптаны, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий. «И люди проклинали Бога небесного от страданий своих; и не раскаялись в делах своих. И Ангел возопил: кто поклоняется Зверю и образу его, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере, перед святыми Ангелами и Агнцем <...>* (Юлиан Отступник) [6, с. 23];

(2) *И в Откровении не было ли сказано: «Пал, пал Вавилон – великая блудница, ибо яростным вином блудодеяния своего напоила все народы. Горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру!»* (Леонардо да Винчи) [7, с. 667].

В первом отрывке словосочетание *вино ярости Божией*, во втором – *яростное вино блудодеяния* употребляются с глаголами *пить / напоить* соответственно. Особенностью первого примера является то, что вино имеет специфическое метафорическое обрамление – сосуд – *чашу гнева* и «состав» (цельность, без примесей), что входит в один ряд, усиливающий степень проявления отношения Бога к человеку, «поклоняющемуся Зверю»: *вино ярости – вино цельное – чаша гнева*. Второй пример подчеркивает иное содержание вина, при этом включается в состав прилагательное *яростный* в значении «неукротимый,

неистовый, ничем не сдерживаемый» [15]. Если в первом примере объектом воздействия является человек, то во втором – *народы*.

Винопитие как способ репрезентации психологического состояния. Вакхические слова могут являться способом описания эмоционального состояния человека, быть проявлением его чувств. Как правило, это описание сильного эмоционального потрясения или сильного чувства (см. [3]). В романе Д. С. Мережковского вакхическая лексика также характеризует эмоционально-чувственную сферу как с положительной стороны, так и с отрицательной:

Юлиану было совестно и вместе с тем забавно смотреть на это сладострастное опьянение звуками (Юлиан Отступник) [6, с. 81];

Не обращая внимания на враждебные взоры, самодовольно поглаживая длинную седую бороду, поправляя пояс на толстом животе и соболью шубу пунцового бархата, грузно и важно кряхтя, опустил Данило Кузьмич на отвоеванное место. Чувство темное и пьяное, как хмель, наполняло ему душу (Леонардо да Винчи) [7, с. 231];

Тихон заметил, что у о. Сергия, когда он говорил это, глаза были такие же пьяные, как у «детушек Божьих»: только там краткое, буйное, – а здесь вечное, тихое, как бы трезвое, пьянство (Петр и Алексей) [8, с. 483].

В последнем примере интересна оксюморонная характеристика состояния о. Сергия – *трезвое пьянство*, построенная с помощью антонимического ряда *краткое – вечное, буйное – тихое*.

Выводы. Таким образом, вакхическая лексика включается как деталь, во-первых, для создания колорита описываемого периода времени, во-вторых, как сакральная составляющая, объединяющая все три части романа, в-третьих, как способ репрезентации чувств и эмоций героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова Е. И.* Своеобразие костюма Петра I в романе Д. С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 2-2. – С. 190–193.
2. *Беловинский Л. В.* История повседневности в деталях: проблемы комментирования текстов русской литературы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2017. – № 10-2(31). – С. 217–228.
3. *Димитриева О. А.* О вакхической лексике в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Русская речь. – 2020. – № 1. – С. 56–67. – DOI: 10.31857/S013161170008295-3.
4. *Димитриева О. А.* О специфике употребления вакхической лексики в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» (на материале романа «Смерть богов. Юлиан Отступник») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 2(115). – С. 25–30. – DOI: 10.37972/chgru.2022.115.2.004.
5. *Димитриева О. А.* Об особенностях функционирования вакхической лексики в художественном мире Д. С. Мережковского (на примере романа «Петр и Алексей») // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 99–115. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-99-115.
6. *Мережковский Д. С.* Смерть Богов (Юлиан Отступник) : роман. – М. : Панорама, 1991. – 272 с.
7. *Мережковский Д. С.* Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи : роман. – М. : Эксмо, 2005. – 672 с.
8. *Мережковский Д. С.* Петр и Алексей : роман. – М. : Захаров, 2004. – 496 с.
9. *Михеева С. Л.* О роли имен прилагательных в портретных описаниях (на материале романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи») // Linguistic typology 2: проблемы лингвистической типологии и культурологии : материалы II Международного симпозиума. – Ижевск : Удмуртский университет, 2021. – С. 165–172.
10. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи: с портр. и краткой биограф. А. Н. Чудинова. – Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1910.
11. *Словарь русского языка* : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. С–Я. – 797 с.
12. *Суханова И. А.* Эволюция сквозного образа Диониса (Вакха) в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Язык русской литературы XX века / под общ. ред. О. П. Мурашевой, Н. А. Николиной. – Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010. – С. 82–94.
13. *Тарасова И. А.* Когнитивные параметры типологизации идиостилей // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2022. – № 1(31). – С. 50–56. – DOI: 10.31912/pvli-2022.1.5.

14. Титаренко С. Д. Функции визуальных образов в трилогии Д. С. Мережковского «Христос и Антихрист» // Культура и текст. – 2020. – № 4(43). – С. 126–143. – DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-126-143.

15. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. – Т. 4. С–Ящурный. Стб. 1465. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/32/us4e6506.htm> (дата обращения: 10.07.2022).

Статья поступила в редакцию 16.08.2022

REFERENCES

1. Abramova E. I. Svoeobrazie kostyuma Petra I v romane D. S. Merezhkovskogo «Antihrist. Petr I Aleksej» // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. – 2010. – № 2-2. – С. 190–193.
2. Belovinskij L. V. Istoriya povsednevnosti v detalyah: problemy kommentirovaniya tekstov russkoj literatury // Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. – 2017. – № 10-2(31). – С. 217–228.
3. Dimitrieva O. A. O vakkhicheskoy leksike v romane F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» // Russkaya rech'. – 2020. – № 1. – С. 56–67. – DOI: 10.31857/S013161170008295-3.
4. Dimitrieva O. A. O specifikhe upotrebleniya vakkhicheskoy leksiki v trilogii D. S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» (na materiale romana «Smert' bogov. Yulian Ostupnik») // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2022. – № 2(115). – С. 25–30. – DOI: 10.37972/chgpu.2022.115.2.004.
5. Dimitrieva O. A. Ob osobennostyah funkcionirovaniya vakkhicheskoy leksiki v hudozhestvennom mire D. S. Merezhkovskogo (na primere romana «Petr i Aleksej») // Nauchnyj dialog. – 2022. – Т. 11, № 5. – С. 99–115. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-99-115.
6. Merezhkovskij D. S. Smert' Bogov (Yulian Ostupnik) : roman. – М. : Panorama, 1991. – 272 s.
7. Merezhkovskij D. S. Voskresshie bogi, ili Leonardo da Vinchi : roman. – М. : Eksmo, 2005. – 672 s.
8. Merezhkovskij D. S. Petr i Aleksej : roman. – М. : Zaharov, 2004. – 496 s.
9. Miheeva S. L. O roli imen prilagatel'nyh v portretnyh opisaniyah (na materiale romana D. S. Merezhkovskogo «Voskresshie bogi, ili Leonardo da Vinchi») // Linguistic typology 2: problemy lingvisticheskoy tipologii i kul'turologii : materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma. – Izhevsk : Udmurtskij univer-sitet, 2021. – С. 165–172.
10. Slovar' inostrannyh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka : materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannyh slov v rus. lit. rechii: s portr. i kratkoj biogr. A. N. Chudinova. – Sankt-Peterburg : V. I. Gubinskij, 1910.
11. Slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy. – 4-e izd., ster. – М. : Rus. yaz. ; Poligrafresursy, 1999. – Т. 4. S–Ya. – 797 s.
12. Suhanova I. A. Evolyuciya skvoznoho obraza Dionisa (Vakha) v trilogii D. S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» // Yazyk russkoj literatury XX veka / pod obshch. red. O. P. Murashevoj, N. A. Nikolinoj. – Yaroslavl' : YaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2010. – С. 82–94.
13. Tarasova I. A. Kognitivnye parametry tipologizacii idiostilej // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 2022. – № 1(31). – С. 50–56. – DOI: 10.31912/pvrl-2022.1.5.
14. Titarenko S. D. Funkcii vizual'nyh obrazov v trilogii D. S. Merezhkovskogo «Hristos i Antihrist» // Kul'tura i tekst. – 2020. – № 4(43). – С. 126–143. – DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-126-143.
15. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Elektronnyj resurs] : v 4 t. / pod red. D. N. Ushakova. – М. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1940. – Т. 4. S–Yashchurnyj. Stb. 1465. – Rezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/32/us4e6506.htm> (data obrashcheniya: 10.07.2022).

The article was contributed on August 16, 2022

Сведения об авторе

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; докторант кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru

Author Information

Dimitrieva, Olga Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia; Doctoral Student of the Department of Russian as a Foreign Language, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru